

СТАТЬИ

УДК 341.645

Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством

Д. А. Медведев

Для цитирования: *Медведев Д. А. Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение. 2025. Т. 69, № 1. С. 3–23. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.101>*

Стремление к справедливости и желание привлечь сильных мира сего к ответственности за преступления против общественного блага и человечности — идеи, которые объединяли людей во все времена. Однако далеко не все воплощения этой идеи заслуживают того, чтобы существовать. Международный уголовный суд (МУС) является примером такого случая. Юридические дефекты его учредительного акта — Римского статута, заключающиеся во внутренних противоречиях и противоречиях отдельных его положений Уставу ООН, политическая ангажированность МУС, избирательность его «правосудия», противоправность практики выдачи им ордеров на арест действующих глав суверенных государств, не являющихся участниками Римского статута, притом что такие ордера часто странами игнорируются, а также тот факт, что МУС, по сути, трансформировался из органа международного правосудия в орудие юридической войны, недвусмысленно свидетельствуют о его полной несостоятельности. В связи с этим он должен кануть в историю, а его судьи, прокуроры и прочие должностные лица, принявшие противоправные решения, могут и должны преследоваться за преступления, предусмотренные российским уголовным правом. По мнению автора, отечественным юристам необходимо на всех возможных площадках аргументированно и подробно выступать с профессиональной критикой решений МУС, представлять международно-правовую позицию России в отношении специальной военной операции, украинского конфликта и других злободневных проблем мировому юридическому сообществу, СМИ и гражданам различных государств. Кроме того, с учетом недостатков в деятельности МУС заинтересованные государства могут найти возможность создать другой международный уголовный суд, который будет их лишен. Учредительный договор такого суда должен основываться на всех общепризнанных нормах современного международного права, а его юрисдикцию можно будет распространить на преступления геноцида, военные преступления, преступления против человечности, а также на акты терроризма.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, международное уголовное правосудие, Устав ООН, иммунитеты глав государств, агрессия, Совет Безопасности ООН, юридическая война.

Медведев Дмитрий Анатольевич — канд. юрид. наук, Заместитель Председателя, Совет Безопасности Российской Федерации, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Воздвиженка, 16, стр. 1

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Мир меняется. И далеко не всегда в лучшую сторону. На наших глазах произошло стремительное вырождение многих наднациональных правовых структур, которые пали жертвой своей зависимости от воли, финансов и системы ценностей так называемого коллективного Запада. Подобную картину мы, например, наблюдаем с Международным уголовным судом (МУС, он же — Гаагский уголовный суд, далее также — Суд). Благие намерения, которыми руководствовались его создатели два с половиной десятилетия назад, со всей очевидностью вымостили дорогу в ад. И чем дальше, тем более реальный.

Это прискорбно, но, к сожалению, более чем закономерно. Достаточно вспомнить историю этого правового института, который за относительно короткое время прошел путь от мнимой востребованности к полной бесполезности на грани абсурда, ангажированности и цинизма. *Важно понять, чем обусловлены его нынешние действия, как на них реагировать и что в итоге должно прийти на смену этому международному органу, который так быстро себя скомпрометировал.*

1.

Когда-то все начиналось почти торжественно. Стремление к справедливости — цель, которая во все времена объединяла миллионы людей на планете. История хранит свидетельства того, как рушились целые империи, властители которых в некий момент впадали в эйфорию от собственной безнаказанности и были во мгновение ока сметены гневом народа. Однако руками национальных органов правосудия привлечь сильных мира сего к ответственности за преступления против общественного блага и человечности, как правило, очень сложно. Поэтому такую задачу ставят перед собой наднациональные органы юстиции, не подчиненные властям того или иного государства.

Создание международных уголовных судов после Второй мировой войны стало первой в истории попыткой утвердить верховенство Закона в глобальном масштабе, добиться справедливости и подлинного равенства поверх государственных границ, экономических и идеологических барьеров. Нюрнбергский и Токийский трибуналы в свое время выполнили функцию, которую заведомо не могли взять на себя суды Германии, Японии и их бывших союзников.

По завершении работы этих международных судов правоведы разных стран предложили создать постоянно действующий международный судебный орган, который был бы в силах привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении самых тяжких преступлений против человечности. Осуществлению этих планов помешала затяжная холодная война. Лишь на рубеже 80–90-х гг. XX в. работы над учреждением постоянно действующего международного уголовного суда были возобновлены¹ и в 1998 г. завершились подписанием в Риме Статута МУС — его учредительного документа.

¹ См.: *Schabas W. A. Chapter 1: The dynamics of the Rome Conference // Elgar Companion to the International Criminal Court / eds M. de Guzman, V. Oosterveld. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited; Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2020. P. 4–5; Summaries of the Work of the International Law Commission: Draft code of crimes against the peace and security of mankind (Part II) — including the draft Statute for an international criminal court / International Law Commission. URL: https://legal.un.org/ilc/summaries/7_4.shtml (дата обращения: 03.02.2025); International criminal responsibility of individuals and entities engaged in illicit trafficking in narcotic drugs across national frontiers and other transnational criminal activities: establishment of an international criminal court with jurisdiction over such crimes: resolution adopted by the United Nations General Assembly on 4 December 1989 (A/RES/44/39). URL: <http://www.worldlii.org/int/other/UNGA/1989/52.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).*

Гаагский суд был создан как самостоятельный международный орган. Главным органом управления Судом является Ассамблея государств-участников, в которую входят все государства-члены (на сегодня их 125). Ассамблея имеет Бюро, которое «оказывает помощь Ассамблее в выполнении ее обязанностей» (ст. 112(3) Римского статута). Основную функцию, а именно привлечение к уголовной ответственности физических лиц, совершивших «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества», осуществляет собственно МУС. Он состоит из 18 судей, избираемых Ассамблеей государств-участников, Канцелярии Прокурора, избираемого указанной Ассамблеей, и Секретариата. Судьи действуют в составе Палаты предварительного производства, которая дает разрешение на начало уголовного преследования и выдает ордер на арест подозреваемого; Судебной палаты, которая рассматривает дело по существу; Апелляционной палаты, которая рассматривает жалобы на действия и решения нижестоящих палат; а также Президиума, который несет ответственность, среди прочего, за «надлежащее управление делами Суда, за исключением Канцелярии Прокурора» (ст. 38(3) Римского статута). Президиум возглавляет Председатель Суда.

При этом согласно ст. 119 Статута любой спор относительно судебных функций Суда подлежит урегулированию решением самого Суда. Таким образом, Суд является единственной и высшей инстанцией при рассмотрении споров с его участием, то есть выступает судьей в собственном деле (что само по себе, строго говоря, противоречит принципу *neto iudex in propria causa*²). *Все судьи и иные служащие МУС обладают на территориях государств-участников, в том числе и на территории государства пребывания — в Нидерландах, международными иммунитетами и привилегиями.*

Юрисдикция МУС распространяется на самые серьезные преступления — геноцид, преступления против человечности, военные преступления. Однако универсальной юрисдикции МУС не имеет. Она распространяется лишь на преступления, совершенные на территориях государств-членов или гражданами государств-членов³. Кроме этих спорных моментов, в учредительном документе Суда с самого начала содержались и другие положения, которые во многих случаях могли сделать невозможным исполнение его решений (так оно и вышло, о чем чуть позже).

Как бы то ни было, в 2002 г. Статут МУС был ратифицирован необходимым числом государств и 1 июля того же года вступил в силу. В то время обстановка в мире была совсем иной, чем сейчас. Было понятно, что при согласовании текста Римского статута (как любого международного договора) представители более ста государств искали взаимоприемлемые, компромиссные формулировки, стремясь укрепить сотрудничество в этой сфере. И страны, которые последовательно выступали за неукоснительное соблюдение Устава ООН, исходили из того, что постепенно противоречия удастся урегулировать с опорой на ключевые принципы международного права, которые заложены в документах ООН. С учетом этого МИДом России и было в 2000 г. согласовано подписание от имени Российской Федерации Римского статута.

² «Никто не судья в собственном деле» (лат.).

³ Международному уголовному суду посвящено огромное количество изданий. Из новейших см.: The Past, Present and Future of the International Criminal Court / eds A. Heinze, V. E. Dittrich. Brussels: Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2021. XXI, 783 p.; Commentary on the Law of the International Criminal Court: The Statute. Vol. 1 / eds M. Klamberg, J. Nilsson, A. Angotti. 2nd ed. Brussels: Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2023. 1104 p.

Однако впоследствии деятельность Гаагского уголовного суда быстро показала его политическую ангажированность. Тяжкие нарушения общепризнанных принципов международного права совершил и сам МУС. На таком политико-правовом фоне в 2016 г. Россия приняла решение не участвовать в Римском статуте⁴. В разные годы так же поступили США и некоторые другие страны. С учетом того, что Китай не подписывал Римский статут, три из пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН — в нем не участвуют.

2.

На Гаагский уголовный суд мировая общественность поначалу возлагала серьезные надежды. Однако уже в момент его создания нельзя было не отметить: эта юридическая конструкция выглядела довольно странно. В ее учредительные документы изначально был заложен целый ряд *несообразностей*, главная из которых — явные противоречия с важнейшими применимыми нормами международного права. Прежде всего с его стержневым источником — Уставом Организации Объединенных Наций. Именно в нем содержатся фундаментальные основы правопорядка в послевоенном мире. При сверке с Уставом ООН разрабатываются универсальные договоры государств, а также многочисленные региональные и двусторонние соглашения.

Статья 103 Устава ООН недвусмысленно предусматривает преимущественную силу его положений по отношению к клаузулам любого иного международного соглашения. По смыслу ст. 38 Статута Международного суда ООН, основными источниками международного права являются международные договоры (как общие, так и специальные), международные обычаи, общие принципы права.

Но в Римском статуте была предусмотрена собственная иерархия источников международного права. Согласно ст. 21 Римского статута, Гаагский суд применяет, во-первых, «настоящий Статут, Элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания». И лишь во-вторых (да еще и не во всех случаях) — «применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов».

То есть в итоге получается, что общепризнанные принципы международного права, предусмотренные в Уставе ООН, Гаагский уголовный суд может применять, согласно Римскому статуту 1998 г., лишь *во вторую очередь*, после Статута и после документов, принятых Ассамблеей государств — участников Римского статута и самим Гаагским судом. Таким образом, созданный квазисудебный механизм получил «индальгенцию» в виде права игнорировать Устав ООН и зафиксированные в нем правовые нормы. Фактически подобное искажение соотношения применимого международного права в Римском статуте неприемлемо для всякого суверенного государства, включая и Россию как постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Кроме того, используемый в Римском статуте термин «общие принципы уголовного права» по сути некорректен, так как не проводит различий между

⁴ См.: Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387> (дата обращения: 04.02.2025). См. также текст сообщения от Правительства Российской Федерации Генеральному Секретарю ООН, полученного 30.11.2016: Rome Statute of the International Criminal Court: Rome, 17 July 1998: [status as at: 14.02.2025 10:15:47 EDT] // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10&chapter=18&clang=_en#9 (дата обращения: 14.02.2025).

национальным уголовным правом (например, США) и международным правом, применимым к борьбе с трансграничной преступностью.

Весь этот «понятийный винегрет» очевидно не соответствовал национальным интересам Российской Федерации (как, впрочем, и любого другого суверенного государства). Вопреки отождествлению, иногда предлагаемому в юридической науке, следует проводить различие между Римским статутом — учредительным документом МУС и теми международными соглашениями, которые были достигнуты между СССР и его союзниками (другими великими державами) в период Второй мировой войны, начиная с Декларации четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г. Тем более что ссылка на эту Декларацию великих держав содержится в ст. 106 Устава ООН. Коренным образом отличается от учредительного документа Гаагского уголовного суда и Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, заключенное на Лондонской конференции 8 августа 1945 г. Перечисленные выше документы по своему международно-правовому значению — в силу Устава ООН — имеют *приоритет* в отношении любого документа, изданного Гаагским уголовным судом.

Однако деятелей, которые влияли на развитие МУС, это никоим образом не смущало. При игнорировании этого принципиального политико-правового различия (смешение и первых, и вторых под общим названием «международная уголовная юстиция») проходили, к примеру, пронатовские преследования сербских руководителей в рамках так называемого «Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.». В отечественных международно-правовых исследованиях такое смешение не допускалось и не допускается⁵. Примеров подобных несоответствий можно привести немало.

3.

В результате судебная практика МУС начала вызывать обоснованные вопросы, и не только у правоведов. Чем дальше, тем больше МУС демонстрировал свою зависимость от политико-идеологических факторов, которые в принципе должны были быть исключены из его практики. Сформировалась очевидная всем склонность этого международного органа осуждать или миловать исключительно в интересах так называемого коллективного Запада на основе его изблюбленных двойных стандартов, причем, что любопытно, с заискиванием перед целым рядом стран (и прежде всего США), которые вполне пренебрежительно отзывались о МУС и его практике. Оно и понятно, поскольку в западном мире существует жесткая иерархия взаимоотношений, которая со всей очевидностью проявилась совсем недавно в «деле Нетаньяху — Галанта и других», когда европейские страны как участники Статута МУС вначале высказали готовность включиться в преследование израильского руководства, а затем, после жесткой отповеди из Вашингтона, начали поочередно заявлять об «исключительном характере этого дела» и отказе от уголовного преследования израильских должностных лиц. Строго говоря, после этого МУС должен был принять решение о самороспуске, потому что большего неуважения со стороны стран — участниц Статута и представить себе невозможно.

⁵ См., напр.: Международное право и борьба с преступностью: Сб. док. / предисл. А. В. Змеевского, Ю. М. Колосова. М., 1997.

В общей сложности, по данным сайта МУС, за более чем 20 лет он рассмотрел 33 дела, часть из которых продолжает рассматриваться. В их числе расследования в отношении ряда политических и военных деятелей из африканских государств (Демократической Республики Конго, Уганды, Судана, Руанды, Кении, Ливии, Кот-д'Ивуара, Мали, Центрально-Африканской Республики). Предполагается, что на их счету — пытки, насилие, грабежи, массовые убийства, похищения людей, уничтожение целых мирных поселений, жестокое обращение с военнопленными и гражданскими лицами, в том числе с женщинами и детьми.

Некоторые фигуранты таких дел действительно были осуждены и заключены под стражу, как правило, это непосредственные исполнители в ограниченном числе стран, должностные лица, против которых были собраны свидетельские показания. Однако ряд высокопоставленных военных преступников так и остались безнаказанными. В их отношении Гаагский уголовный суд показал избирательную слепоту и глухоту.

Бросается в глаза и то, что Гаагский уголовный суд внимательнейшим образом в течение долгих лет рассматривал дела безусловно жестоких, но вполне заурядных главарей этнических банд, серийных убийц и насильников. Даже с руками по локоть в крови соотечественников они не были могущественными политическими фигурами, которые представляли бы опасность для *всего* человечества. Невольно возникал вопрос, являются ли эти «полевые командиры», предводители конфликтующих африканских племен и прочие уголовники реальными «международными преступниками», с которыми невозможно справиться силами *национального* правосудия их государств?⁶ И чтобы обуздать и привлечь их к ответственности, нужно ли было создавать такой громоздкий и дорогостоящий орган, как МУС?

Неслучайно бывший председатель Комиссии Африканского союза Жан Пинг в свое время сказал журналистам, что Суд является неокOLONIALной игрушкой⁷. Высказывались мнения, что Гаагский уголовный суд, похоже, заинтересован только в преследовании африканцев, противостоящих западному влиянию, и использовал Африку в качестве «лаборатории для тестирования» международного уголовного правосудия⁸. Показательно, что еще в 2017 г. Африканский союз принял резолюцию, призывавшую все африканские страны прекратить сотрудничество с МУС в отношении исполнения ордеров на арест африканских подозреваемых и совместно выйти из МУС⁹. То, что МУС действует пристрастно и в интересах группы государств Запада отказывается преследовать лиц из стран НАТО, осознавали представители разных континентов. В том числе по этой причине о своем выходе из Статута заявили, в частности, Бурунди и Филиппины¹⁰.

⁶ У. Шабас, давая оценку МУС, пишет: «Имеет место только горсть завершенных разбирательств. Многие из обвиняемых были незначительными личностями в малоизвестных конфликтах. С приговорами в среднем в пределах 12 или 13 лет тюремного заключения трудно поверить, что Суд имеет дело с «теми, кто несет величайшую ответственность» за «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества»» (*Schabas W. A. Op. cit. P. 19*).

⁷ *Bosco D. Why is the International Criminal Court picking only on Africa?* (March 29, 2013) // *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-is-the-international-criminal-court-picking-only-on-africa/2013/03/29/cb9bf5da-96f7-11e2-97cd-3d8c1afe4f0f_story.html (дата обращения: 04.02.2025).

⁸ See: *Bachmann S.-D. D., Sowatey-Adjei N. A. The African Union-ICC Controversy Before the ICJ: A Way Forward to Strengthen International Criminal Justice?* // *Washington International Law Journal*. 2020. Vol. 29, no. 2. P. 249.

⁹ *Ibid.* P. 249–250.

¹⁰ *The Philippines' membership in the ICC comes to an end, 15 March 2019* // *Coalition for the International Criminal Court*. URL: <https://coalitionfortheicc.org/news/20190315/philippines-leaves-icc>

Обращало на себя внимание и другое. «Почему-то» в поле зрения МУС упорно не попадали события в странах, где о справедливости, мире и гуманизме можно было только мечтать, но где свои интересы продвигали США и их союзники по Североатлантическому альянсу. Так, военнослужащие стран НАТО почти двадцать лет (с 2001 по 2021 г.) вели активные боевые действия на территории Афганистана — государства, которое присоединилось к МУС в 2003 г. Все это время, по сообщениям СМИ, они совершали деяния, которые можно было рассматривать как военные преступления¹¹. Однако ни разу Гаагский уголовный суд этого не сделал.

Еще один пример. В ноябре 2017 г. занимавшая тогда должность Прокурора МУС Фату Бенсуда обратилась в Палату предварительного производства Суда для получения разрешения на начало расследования в отношении преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных членами афганского оппозиционного движения «Талибан*», в отношении военных преступлений, совершенных афганскими правительственными силами безопасности, и в отношении военных преступлений, совершенных на территории Афганистана с 1 мая 2003 г. военнослужащими США и сотрудниками Центрального разведывательного управления США. Палата предварительного производства рассматривала этот запрос в течение полутора лет и в апреле 2019 г. отказала Прокурору, постановив, что «расследование ситуации в Афганистане на этом этапе не послужило бы интересам правосудия»¹². На это решение Обвинителем МУС была подана жалоба в Апелляционную палату, которая в марте 2020 г. отменила его¹³, тем самым предоставив Службе Прокурора МУС возможность начать предварительное расследование, в том числе и военных преступлений, совершенных на территории Афганистана военнослужащими и гражданами США.

После этого Правительство Соединенных Штатов, которые не участвуют в МУС, очень резко отреагировало на саму возможность привлечения к ответственности их военнослужащих и граждан в международном судебном органе. В июне 2020 г. президент США Дональд Трамп заявил, что притязание МУС на юрисдикцию в отношении военного, разведывательного и иного персонала США в ходе расследования действий, совершенных, как предполагается, таким персоналом в Афганистане или относящихся к нему, «составляет необычную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов»¹⁴. Ссылаясь на законодательство США, Трамп подписал Исполнительный приказ № 13928, согласно которому государственный секретарь США после консультации с министром финансов и генеральным прокурором вправе определять любое «иностранное лицо», которое, в частности, прямо вовлечено в усилия МУС по расследованию, аресту, задержанию или преследованию в отношении любого персонала США без согласия США или

text=As%20of%2017%20March%2C%20the, after%20Burundi%20withdrew%20in%202017 (дата обращения: 04.02.2025).

¹¹ Подробнее о военных преступлениях в Афганистане см.: *Ning Yu*. How US evades responsibility for war crimes in Afghanistan // *Global Times*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1235240.shtml> (дата обращения: 14.02.2025).

¹² Pre-Trial Chamber II: Situation in the Islamic Republic of Afghanistan, No ICC-02/17, 12 April 2019. URL: <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-02/17-33> (дата обращения: 04.02.2025).

¹³ The Appeals Chamber: Situation in the Islamic Republic of Afghanistan, No. ICC-02/17 OA4, 5 March 2020, para. 79. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2020_00828.PDF (дата обращения: 04.02.2025).

¹⁴ International Criminal Court: U.S. Sanctions in Response to Investigation of War Crimes in Afghanistan, June 19, 2020 // Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11428> (дата обращения: 04.02.2025).

* В Российской Федерации движение признано террористическим.

материально содействует, спонсирует или предоставляет финансовую, материальную или технологическую поддержку, товары или услуги в поддержку таких усилий МУС. Собственность этих лиц, находящаяся под юрисдикцией США, может быть заблокирована, а им самим может быть запрещен въезд на территорию США¹⁵. 2 сентября 2020 г. персональные санкции¹⁶ были наложены Правительством США на Прокурора МУС Фату Бенсуду и служащего Канцелярии Прокурора МУС Факисо Мочочоко¹⁷.

В итоге, несмотря на предоставленное ему право начать расследование совершенных в Афганистане военных преступлений и преступлений против

¹⁵ International Criminal Court: U.S. Sanctions in Response to Investigation of War Crimes in Afghanistan, June 19, 2020 // Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11428> (дата обращения: 04.02.2025).

¹⁶ В целом в политологической и юридической науках нет консенсуса в отношении того, что обозначает термин «санкции» (см. об этом: *Пятибратов И. С.* Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема разграничения терминов и тождественности явлений // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 6. С. 64). Тем не менее некоторыми авторами использование термина «санкции» применительно к ограничительным мерам, принимаемым государствами в одностороннем порядке без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, неоднократно критиковалось (см., напр.: *Рыжова М. В.* Экономические санкции в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 8; *Крицкий К. В.*: 1) Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 208; 2) Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10; Право в условиях санкций / Д. Г. Алексеева, Я. О. Алимова, И. С. Барзилова и др.; под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М.: Проспект, 2023. С. 93–94). Такая критика понятна: в то время как термин «санкция» ассоциируется с мерой принуждения, применяемой к субъекту за совершенное им правонарушение, т. е. правомерной мерой, ограничительные меры, принимаемые государствами в одностороннем порядке без решения Совета Безопасности ООН, далеко не всегда являются правомерными. В связи с этим называть последние «санкциями» в юридическом плане как минимум является неточным. Не случайно именно принудительные меры, принимаемые Советом Безопасности ООН, в документах ООН нередко именуется «санкциями», а режимы, создаваемые этими мерами, — «санкционными режимами» (см.: Документ A/56/10: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 года) // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Т. II. Ч. 2. С. 78, п. 9; Резолюция 2170 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 года (S/RES/2170) // Цифровая библиотека «Объединенные нации». URL: https://digitallibrary.un.org/record/777420/files/S_RES_2170%282014%29-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 06.03.2025); Subsidiary Organs of the United Nations Security Council / Fact Sheets 2023 // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/subsidiary_organ_series_7sep23_.pdf (дата обращения: 06.03.2025)). Напротив, в некоторых актах ООН термин «санкции» не используется для обозначения односторонних принудительных мер (см., напр.: Резолюция «Права человека и односторонние принудительные меры», принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2016 года (A/RES/71/193) // Цифровая библиотека «Объединенные нации». URL: https://digitallibrary.un.org/record/857550/files/A_RES_71_193-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 06.03.2025)). Тем не менее в политологическом и публицистическом лексиконах термином «санкции» иногда именуется и такие меры (см.: *Геворгян К.* «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. 2012. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 06.03.2025)). В настоящей статье исключительно в целях краткости термин «санкции» используется, в том числе для обозначения односторонних принудительных мер, принимаемых государствами без решения Совета Безопасности ООН.

¹⁷ Blocking Property of Certain Persons Associated with the International Criminal Court Designations // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20200902> (дата обращения: 05.02.2025); US imposes sanctions on top international criminal court officials // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/law/2020/sep/02/us-sanctions-international-criminal-court-fatou-bensouda> (дата обращения: 05.02.2025). В дальнейшем Исполнительный приказ № 13928 был отменен (см.: Executive Order 14022 of April 1, 2021 “Termination of Emergency With Respect to the International Criminal Court” // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/57411/download?inline> (дата обращения: 05.02.2025)).

человечности, уже новый Прокурор МУС до сих пор не предъявил ни одного обвинения американским военным — участникам боевых действий в Афганистане.

Спустя пять лет, едва только Дональд Трамп вновь пришел к власти, первым делом он продолжил свою прежнюю линию в отношении МУС. И гневными речами не ограничился. 6 февраля 2025 г. президент США подписал Исполнительный приказ, которым против Международного уголовного суда вводятся санкции — в качестве ответа на «противозаконные и бесосновательные действия, направленные на Америку и нашего близкого союзника Израиля»¹⁸. Поведение МУС президент США назвал «угрожающим посягнуть на суверенитет Соединенных Штатов»¹⁹. Должностным лицам, работникам и агентам МУС, а также их ближайшим родственникам пригрозили «ощутимыми и значительными последствиями», в том числе блокированием имущества и активов, запретом въезда в США²⁰.

Показательно, что первым лицом, против которого вновь избранный американский лидер ввел санкции, стал Прокурор МУС Карим Хан — тот же самый, с чьей подачи Гаагский уголовный суд выдал ордер на арест Президента России. Исполнительным приказом Трампа Хану, в частности, временно запрещен въезд в США, его имущество, если таковое имеется или окажется на территории США, заморожено²¹.

4.

Но подлинных вершин по части бессмыслицы и бесполезности МУС достиг в своих ордерах на арест глав суверенных государств, в том числе Президента России Владимира Путина, в связи с ситуацией на Украине²². Вынося такие решения, чиновники Суда прекрасно понимали, что на практике они реализованы не будут. Если не считать пропагандистских последствий — в интересах, естественно, все того же англосаксонского мира.

Конечно, судей и служащих МУС не стоит считать сумасшедшими или невеждами. Это опытные юристы, которые прекрасно знают содержание международных соглашений и осознают пределы своих полномочий. Но от выполнения «идеологического заказа» они не отказывались никогда. Особенно в случае с главами суверенных государств.

Создавая Гаагский уголовный суд²³, участники Римского статута пошли на компромисс. С одной стороны, в тексте статута они предусмотрели, что

¹⁸ Imposing Sanctions on the International Criminal Court: Executive order, February 6, 2025 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/imposing-sanctions-on-the-international-criminal-court/> (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Situation in Ukraine: ICC judges issue arrest warrants against Vladimir Vladimirovich Putin and Maria Alekseyevna Lvova-Belova // International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/situation-ukraine-icc-judges-issue-arrest-warrants-against-vladimir-vladimirovich-putin-and> (дата обращения: 05.02.2025). См. также: Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.05.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/ (дата обращения: 05.02.2025); Opinion of the International Law Advisory Board under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: Problems of Legality of the International Criminal Court [translated by grad. students V.V. Pchelintseva and A. M. Korzhenyak] // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 92–104.

²³ Государства, будучи основными субъектами международного права, могут на основе договоров между ними создавать производные субъекты международного права, в том числе, например,

иммунитеты главы государства, иного высшего должностного лица государства, предусмотренные международным правом, «не должны препятствовать осуществлению» Гаагским уголовным судом «его юрисдикции в отношении такого лица» (ст. 27). С другой стороны, из этого же документа вытекает обязательство Суда «заручиться сотрудничеством» соответствующего государства в вопросе отказа от иммунитета его высшего должностного лица (ст. 98).

На деле Гаагский уголовный суд без всякого отказа соответствующих стран ввел в практику выдачу ордеров на арест некоторых действующих глав суверенных государств (обычно не западных). Первые такие ордера были выданы в связи с делами президента Судана Омара аль-Башира (2009 г.) и исполняющего обязанности главы Ливии Муаммара Мухаммеда Абу Миньяра аль-Каддафи (2011 г.). Дело Каддафи было прекращено в связи с его смертью, ордер на арест его сына и сподвижника, в то время фактического премьер-министра Ливии, Саифа аль-Ислама Каддафи не исполнен до сих пор (дело на стадии предварительного слушания).

Что касается Омара аль-Башира, то Судан отказался исполнять выданный Судом ордер, подчеркнув, что это «политический» документ, который противоречит национальному законодательству. А сам МУС не обладает юрисдикцией для подобных действий. Ордер также не был исполнен в ряде государств — членов МУС (Малави, Иордании, Уганде, Чаде, ЮАР и др.), которые посещал Омар аль-Башир. Правовые позиции нескольких таких стран были рассмотрены судебными палатами МУС. Последние во многом сформировали позицию Суда по вопросу об иммунитетах высших должностных лиц государств, не являющихся членами МУС. В основном мнение МУС по рассматриваемому вопросу было изложено в решении Апелляционной палаты относительно непередачи МУС Иорданием Омара аль-Башира.

По мнению МУС, «...никакие иммунитеты по обычному международному праву не действуют в таком случае, чтобы воспрепятствовать международному суду в осуществлении его собственной юрисдикции»²⁴. Таким образом, по сути, МУС исходит из того, что *не существует* правила обычного международного права, которое дает иммунитет от ареста и передачи МУС главы государства, *не участвующего в Римском статуте*, государством — участником Римского статута на основании запроса на арест и передачу, выданного Гаагским уголовным судом²⁵.

Эти и другие утверждения весьма спорны и вызвали справедливую критику экспертов в сфере международного права и, естественно, представителей национального правосудия различных стран.

Особо подчеркну следующее. Независимо от того, как толковать ст. 27 и 98 Римского статута, *надо изначально квалифицировать саму выдачу Гаагским уголовным судом ордеров на арест глав суверенных государств как нарушения международного права, прежде всего Устава ООН*. Причины следующие.

межправительственные организации, международные судебные органы и т. д. Компетенция такого вторичного субъекта определяется государствами, которые его учредили. См. об этом: *Shaw M. N. International Law*. 6th ed. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 1303. В этом плане справедливы слова Я. Клабберса о международных организациях: «Организации есть создания их государств-членов...» (*Klabbers J. International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 92).

²⁴ The Appeals Chamber: Situation in Darfur, Sudan: in the Case of the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bashir: Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal, No. ICC-02/05-01/09 OA2, 6 May 2019, para. 114 // International Criminal Court. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2019_02856.PDF (дата обращения: 14.02.2025).

²⁵ См.: *Ibid.* Para.117.

Во-первых, положения Устава ООН имеют преимущественную силу в отношении статей Римского статута, о чем уже было сказано выше.

Во-вторых, принцип суверенного равенства всех членов ООН является основой ООН (ст. 2). Главы государств представляют соответствующие суверенные власти и в силу такого основного источника международного права, как международный обычай, «пользуются иммунитетом от юрисдикции в других государствах, как гражданской, так и уголовной»²⁶. Нарушение Гаагским уголовным судом данной нормы есть *противоправное деяние*.

В-третьих, посягательство Гаагского трибунала на ограничение суверенитета государства (а применительно к России еще и постоянного члена Совета Безопасности ООН) путем подталкивания к аресту главы этого государства, тем самым препятствования осуществлению его должностных функций, следует квалифицировать и в качестве преступления против международного права. Прежде всего в силу главной ответственности Совета Безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24 Устава ООН).

В-четвертых, Гаагский уголовный суд игнорирует тот непреложный факт, что три из пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН не участвуют в Римском статуте. Такое решение в разные годы приняли Китай, Россия и США. Соответственно, в силу ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и обычного международного права²⁷, Римский статут не создает для этих государств, в нем не участвующих, каких-либо обязательств, в том числе и тех, которые объявлены Гаагским уголовным судом.

В-пятых, чиновники МУС должны сознавать, что, стремясь ограничить деятельность главы суверенного государства — Постоянного члена Совета Безопасности, они тем самым пытаются препятствовать нормальному функционированию главного органа ООН, который несет исключительную ответственность за поддержание мира на планете. В эпоху, когда международное сообщество разделено по принципиальным признакам и по сути наша планета находится на грани Третьей мировой войны, решение МУС само по себе уже привело к росту глобальных рисков. Ответственность за нарастание такой угрозы для человечества несут и конкретные должностные лица Гаагского уголовного суда.

5.

Как известно, и до громкого «политического заказа» в отношении Президента России Гаагскому уголовному суду доводилось выполнять достаточно скользкие поручения своих тайных кукловодов. После осуществленного в 2014 г. при содействии США государственного переворота в Киеве²⁸, отказа населения Крыма и Донбасса признать легитимность этого переворота, постоянных обстрелов территории Донбасса по распоряжению киевских главарей и фактического геноцида его населения Россия приняла меры для защиты соотечественников. Гаагский

²⁶ Существование этого обычая в международном праве было подтверждено Международным судом ООН. См.: Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002, p. 3, para. 51.

²⁷ См.: Document A/6309/Rev.1: Reports of the International Law Commission on the second part of its seventeenth session and on its eighteenth session // Yearbook of the International Law Commission, 1966. Vol. II. New York: United Nations, 1967. P. 226.

²⁸ О подготовке неконституционного переворота в Киеве, об инструкциях путчистам со стороны посольства США очень точно написано в книге бывшего премьер-министра Украины Н. Азарова, ранее работавшего с конституционно избранным президентом Украины В. Януковичем. См.: Азаров Н. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. М.: Вече, 2015. 512 с.

уголовный суд, не утруждая себя юридическим анализом перечисленных выше фактов и применимого права, услужливо поддержал развязанную США и их сателлитами «правовую войну» против нашей страны. В ход пошел весьма спорный термин «агрессия». Он, кстати, был включен в перечень деяний, подсудных МУС, далеко не сразу, а лишь после многолетних дискуссий. К моменту подписания Римского статута в 1998 г. юридически приемлемое определение «агрессии» выработать не удалось. Вопрос был отдан на разрешение Ассамблее государств-участников, которая в 2010 г. сформулировала поправки к Статуту. В них были очерчены круг лиц, несущих ответственность за такое преступление, и порядок их привлечения к ответственности в Гаагском уголовном суде. При этом вводимые нормы заведомо не носили всеобщего характера.

Под давлением США специальную военную операцию (СВО) по защите Донбасса арифметическое большинство государств назвало в документах Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН «агрессией» (резолюция ГА ООН ES-11/1 «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г.; резолюция ГА ООН ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины» от 24 марта 2022 г. и другие документы Генассамблеи). В это свою лепту внесли и прочие подконтрольные Западу организации, в том числе Международный валютный фонд (МВФ)²⁹, Институт международного права³⁰ и др. И наконец, в марте 2023 г. Гаагский уголовный суд услужливо объявил о выдаче ордеров на арест Президента Российской Федерации и российского Уполномоченного по правам ребенка.

С правовой точки зрения этот шаг вновь не выдерживает никакой критики. Западные государства сугубо формально используют в своих доводах то определение понятия «агрессия», которое обозначено в резолюции ГА ООН, принятой в 1974 г. По смыслу резолюции, агрессия представляет собой «...применение вооруженной силы государством против *суверенитета*, территориальной неприкосновенности или политической *независимости* другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций...», которое «...влечет за собой международную ответственность»³¹ (курсив мой. — Д. М.). Применяя эту дефиницию к СВО, западные государства игнорируют важнейшие вопросы факта и права, прежде всего уже упомянутый факт государственного переворота в Киеве в 2014 г., который был инспирирован Вашингтоном и явно нарушал п. 7 ст. 2 Устава ООН (о запрете вмешательства во внутренние дела государства). После этого *coup d'état* Украина *de facto* перестала быть суверенным государством.

Игнорируется коллективным Западом и то обстоятельство, что не является агрессией использование государством вооруженной силы, допустимое по международному праву (в порядке самообороны, в том числе превентивной). Но главный изъян в международно-правовой позиции западных государств более серьезный: они игнорируют то, что по смыслу Устава ООН установить *факт «агрессии»* и осуществить действие в отношении акта агрессии вправе *только Совет Безопасности ООН*, включая совпадающие голоса пяти государств — его

²⁹ Специализированное учреждение ООН, в котором участвует и Россия. Подробнее об МВФ см. на его сайте: About the IMF // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/About> (дата обращения: 05.02.2025).

³⁰ Неправительственная организация. Основана в 1873 г. Подробнее о ней см. на ее сайте: About the Institute // Institut de Droit International. URL: <https://www.idi-iil.org/en/a-propos/> (дата обращения: 05.02.2025).

³¹ См. ее ст. 1, 5: Определение агрессии: [приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) от 14.12.1974] // Цифровая библиотека «Объединенные нации». URL: https://digitallibrary.un.org/record/190983/files/A_RES_3314_%28XXIX%29-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 14.02.2025).

постоянных членов, но не иной орган, будь то орган ООН или другой орган, либо иная международная организация.

Впрочем, не сочли нужным выполнять решение МУС и государства, которые в Римском статуте по-прежнему участвуют. Одну из таких стран — Монголию — Президент России посетил в начале сентября 2024 г.³² Визит прошел в дружественной обстановке и был вполне успешно завершен. Это вызвало у Гаагского уголовного суда почти истерическую реакцию. Он тут же обрушился на Монголию, заявив, что та не выполнила своих обязательств по Римскому статуту, не арестовав Президента РФ и тем самым не выполнив запрос Гаагского уголовного суда о сотрудничестве.

По мнению МУС, государства-участники Римского статута обязаны арестовывать лиц, на которых выданы ордера этого суда, «независимо от их официального статуса или гражданства». Весьма цинично звучит в этом контексте заявление Гаагского уголовного суда о том, что он исполняет свои функции в отношении «грубых нарушений основополагающих норм международного права»³³. При том, что, препятствуя главе суверенного государства — постоянному члену Совета Безопасности осуществлять свои должностные обязанности, именно сотрудники Гаагского уголовного суда усугубляют риск непринятия решений при реагировании СБ ООН на угрозы миру.

В документе Гаагского уголовного суда, обвиняющего Монголию в нарушении обязательств по Римскому статуту сотрудничать с ним, отмечено, что ст. 98(1) Статута якобы не дополняет, не изменяет ст. 27(2) и не предусматривает исключений из нее, т. е., по мнению суда, Статут «не предусматривает исключений» для иммунитетов глав суверенных государств. Любое иное толкование, как посчитал суд, неизбежно сделало бы обязательства государств-участников «бесмысленными», а всю систему суда «бесполезной вопреки принципу эффективности» (“*ut res magis valeat quam pereat*”)³⁴, вытекающему из ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, «согласно которой договоры должны толковаться так, чтобы обеспечить их эффективное осуществление»³⁵. Насчет «*бесполезности*» нельзя не согласиться. Это свое качество Гаагский уголовный суд проявил уже многократно.

Что же касается принципа *эффективности*, то нелишне отметить: приведенный Судом аргумент представляет собой его искаженное понимание. При интерпретации международных договоров он предполагает, что толкователь договора «должен придавать значение и эффект всем условиям договора» и «толкователь не свободен в том, чтобы принимать прочтение, которое имело бы своим результатом приведение целых статей или пунктов договора к избыточности или бесполезности»³⁶.

³² Официальный визит в Монголию // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/75016> (дата обращения: 05.02.2025).

³³ МУС: отказ Монголии арестовать Путина передан на рассмотрение Ассамблеи Суда (24 октября 2024 г.) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/10/1457701> (дата обращения: 05.02.2025).

³⁴ «Чтобы сие было действительным, а не ничтожным» (лат.).

³⁵ Pre-Trial Chamber II: Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24 October 2024, para. 34 // International Criminal Court. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/0902ebd1809d1971.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

³⁶ Korea — Definitive Safeguard Measure on Imports of Certain Dairy Products: Report of the Appellate Body (adopted on 12 January 2000), AB-1999-8 (WT/DS98/AB/R), para. 80.

Интересно также, что ранее МУС признавал наличие «неотъемлемого напряжения» между ст. 27(2) и 98(1) Статута МУС³⁷, противоречия между ними были подробно проанализированы в доктрине³⁸. Все это, безусловно, свидетельствует о юридических и технических дефектах Статута МУС³⁹, которые делают и без того весьма несовершенный инструмент полностью негодным к применению.

В Заключении по Монголии Палата предварительного производства МУС отдельно указала, что ст. 34 Венской конвенции «...не имеет отношения к рассматриваемому вопросу (вопросу о том, связаны ли неучаствующие государства положениями Статута. — Д. М.), так как Суд не стремится наложить обязанности, содержащиеся в Статуте, на государства, не являющиеся сторонами, но скорее ищет сотрудничества государств-участников в делах против индивидов, которые предполагаемо совершили преступления по ст. 5 Статута на территории государства, где Суд имеет юрисдикцию». Однако эта позиция также несостоятельна: непредоставление иммунитета государством — участником Римского статута вышшему должностному лицу государства, не участвующего в Статуте, есть распространение Статута МУС на такое государство, поскольку у последнего есть право требовать предоставления иммунитетов своим высшим должностным лицам, в то время как у принимающего государства есть обязанность такие иммунитеты предоставить. Если последнее этого не делает в силу п. 2 ст. 27 Статута МУС, оно должно считаться либо нарушающим обычное международное право, либо распространяющим правило п. 2 ст. 27 Статута на третье государство в лице его высших должностных лиц. Иного не дано.

С большим апломбом МУС также подтвердил, что «любое спорное двустороннее обязательство, которое Монголия может взять на себя перед Российской Федерацией в отношении соблюдения любого применимого иммунитета, который международное право может предоставить главам государств, не может заменить обязательство, которое Монголия несет перед Судом [“is not capable of displacing the obligation that Mongolia owes to the Court”], которому поручено осуществлять свою юрисдикцию...»⁴⁰. Вот именно так: все международные акты меркнут перед Статутом МУС, по мнению ангажированных комментаторов из самого Суда.

В переписке с Гаагским уголовным судом Монголия сослалась на обычно-правовую норму об иммунитетах глав государств и на Решение Международного Суда ООН (2002 г.) по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.», подтвердившее факт ее существования. В ответ Гаагский суд упрямо повторил свою позицию: «...в то время как личные иммунитеты действуют в отношениях между

³⁷ Pre-Trial Chamber I. Situation in Darfur, Sudan: the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, No. ICC-02/05-01/09, 13 December 2011, para. 37 // ICC Legal Tools Database. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/8c9d80/pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

³⁸ См., напр.: *Исполинов А. С.* Анатомия кризиса: проблемы нормативной легитимности международного уголовного суда // Закон. 2024. № 2. С. 130–131; *Kjeldgaard-Pedersen A.* Is the Quality of the ICC's Legal Reasoning an Obstacle to Its Ability to Deter International Crimes? // iCourts: iCourts Working Paper Series. 2020. No. 191. P. 15–17. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3570447_code2133408.pdf?abstractid=3570447&mirid=1&type=2 (дата обращения: 05.02.2025); *Tladi D.* The ICC Decisions on Chad and Malawi: On Cooperation, Immunities, and Article 98 // Journal of International Criminal Justice. 2013. Vol. 11, no. 1. P. 199–221; *Van Alebeek R.* The Immunity of States and Their Officials in International Criminal Law and International Human Rights Law. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 278.

³⁹ Небезосновательным выглядит высказанное в литературе мнение, что «...архитектура Суда имеет некоторые серьезные изъяны» (*Schabas W. A.* Op. cit. P. 19).

⁴⁰ Pre-Trial Chamber II: Situation in Ukraine. Finding under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Mongolia with the request by the Court to cooperate in the arrest and surrender of Vladimir Vladimirovich Putin and referral to the Assembly of States Parties, No. ICC-01/22, 24 October 2024, para. 28.

государствами, они не защищают индивидов, включая глав государств, от преследования международными уголовными судами», оправдывая ее тем, что МУС «...в основе своей независим от государств, строго беспристрастен и действует в общих интересах международного сообщества»⁴¹.

Все эти аргументы абсолютно политизированы и юридически ничтожны. Тем не менее чиновники Гаагского суда пафосно объявили, что Монголия воспрепятствовала суду «...в осуществлении его функций и полномочий...» и что она «не выполнила своих международных обязательств по Статуту...»⁴², тем самым отклонив все возражения Монголии, содержащиеся в ее запросе по этому делу.

Необходимо напомнить, что в соответствии с п. 2 ст. 98 Римского статута, «Суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, несовместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для предоставления какого-либо лица в распоряжение Суда требуется получение согласия направляющего государства». Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией 2019 г. (вступил в силу в сентябре 2020 г.) в этом смысле применим. Согласно ст. 4 этого международного договора, Россия и Монголия «воздерживаются от участия в каких-либо действиях или от поддержки таких действий, направленных против другой Стороны».

Никаких особых последствий ни для Монголии, ни для России вся эта околосудебная суэта не имела. Какие меры сочтет нужным принять Ассамблея государств — участников МУС в отношении «ослушника», решать ей. В Статуте МУС никаких санкций в отношении государства-члена, недостаточно хорошо сотрудничающего с МУС при осуществлении им своих функций, не установлено. Как показывает практика, до сих пор они и не применялись. Тот же президент Судана Омар аль-Башир в течение семи лет, последовавших за выдачей МУС первого ордера на его арест в 2009 г., посетил более 20 стран, среди которых были в том числе страны — члены МУС, и ни в одной из них не был арестован⁴³. Никаких мер не последовало и в отношении этих государств. Хотя ордер на арест Омара аль-Башира был выдан в рамках дела, возбужденного по инициативе Совета Безопасности ООН (который, в отличие от МУС, имеет возможность применять международно-правовые санкции).

Это лишний раз доказывает, насколько бесполезен и этот суд, и изданные им вердикты. Тем не менее нельзя недооценивать масштабы и возможные последствия той «юридической войны», которую Запад продолжает вести против России руками международной юстиции наряду со всеми прочими недружественными акциями и незаконными рестрикциями. По сути, сейчас практика МУС стоит в полушаге от того, чтобы юридически *оправдать похищения* должностных лиц, пользующихся иммунитетом, с территорий стран, которые в Римском статуте не участвуют, тем более, что МУС уже стал не только неким подобием воронки, в которую при наличии желания или политического заказа можно затянуть

⁴¹ Ibid. Paras 6, 29, 30.

⁴² См.: Ibid. Para. 38 and findings.

⁴³ См.: ICC arrest warrant? No worries for Sudan's Bashir who visited 22 countries in 7 years // World Tribune: Window on the Real World. 2016. March 6. URL: <https://www.worldtribune.com/icc-arrest-warrant-no-worries-for-sudans-bashir-who-visited-22-countries-in-7-years/> (дата обращения: 14.02.2025); Nuba Reports. Sudan's president has made 74 trips across the world in the seven years he's been wanted for war crimes // Quartz. 2016. March 4. URL: <https://qz.com/africa/630571/sudans-president-has-made-74-trips-across-the-world-in-the-seven-years-hes-been-wanted-for-war-crimes> (дата обращения: 14.02.2025).

должностное лицо любого государства, но и банальным инструментом политической борьбы. Не говоря уже об ордерах на арест Владимира Путина и Марии Львово-Беловой, показательной в этом плане является и история с началом расследования Судом ситуации на Филиппинах и последующим в связи с этим арестом 11 марта 2025 г. и передачей Суду бывшего президента Филиппин Родриго Дутерте.

15 сентября 2021 г. Палата предварительного производства разрешила прокурору МУС начать расследование ситуации на Филиппинах в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, которые, как предполагается, были совершены на территории этой страны с 1 ноября 2011 г. по 16 марта 2019 г. включительно в рамках так называемой кампании по «войне с наркотиками»⁴⁴. Это решение и последующие за ним события примечательны следующим. Во-первых, у МУС не было юрисдикции *ratione temporis* в отношении этой ситуации вообще, поскольку ее расследование было санкционировано Палатой 15 сентября 2021 г., в то время как участие Филиппин в Римском статуте прекратилось еще 17 марта 2019 г. Однако это не помешало судьям МУС найти основания для такой юрисдикции со ссылкой на свою же собственную практику толкования ст. 127 Римского статута⁴⁵ по принципу «если очень хочется, то можно». Во-вторых, арест и передача МУС бывшего президента Филиппин Родриго Дутерте явились не признанием Филиппинами, уже не являющимися участниками Римского статута, юрисдикции МУС, а сдачей кланом Маркоса (Фердинанд Ромуальдес Маркос-младший — действующий президент Филиппин) политического противника из клана Дутерте⁴⁶, т. е. МУС фактически превратился в инструмент политической борьбы внутри Филиппин. Поэтому встречающееся в СМИ мнение о том, что история с инициированием расследования в отношении ситуации на Филиппинах «...бросает темную тень на способность суда делать свою работу независимо без политизации...»⁴⁷ довольно точно отражает трансформацию самой сути Суда: из инструмента правосудия он превратился в инструмент грязной политики.

Какое еще беззаконие со стороны МУС может последовать дальше — неизвестно. Запад, который стремительно теряет свои позиции в мире и уже не в состоянии навязывать большинству человечества свою волю, идет ва-банк и не остановится ни перед чем. Это опасность, которую надо учитывать. Так, мне уже приходилось писать, что может последовать за исполнением незаконного решения МУС в отношении главы государства, не участвующего в Статуте суда. Само исполнение такого решения может рассматриваться как *casus belli* в отношении стран, причастных к его принятию. Стоит ли говорить об опасности таких решений в отношении руководства ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Не говоря уж о том, что лица, которые вынесли такое решение, *могут и должны преследоваться* следственными и судебными органами страны, чье руководство незаконно привлекается к ответственности.

⁴⁴ Pre-Trial Chamber I: Situation in the Republic of the Philippines: Decision on the Prosecutor's request for authorisation of an investigation pursuant to Article 15(3) of the Statute, No. ICC-01/21, 15 September 2021. https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2021_08044.PDF (дата обращения: 18.03.2025).

⁴⁵ See: *Ibid*, para. 111.

⁴⁶ См. подробнее об этом: *Филатов С.* Арест Дутерте и его последствия для Филиппин, США и Китая // *Международная жизнь*, 15.03.2025. <https://interaffairs.ru/news/show/50683> (дата обращения: 18.03.2025); *Smith T.* The ICC caught in clan rivalry in Philippines // *Justiceinfo.net*. January 27, 2025. <https://www.justiceinfo.net/en/140756-icc-caught-clan-rivalry-philippines.html> (дата обращения: 18.03.2025).

⁴⁷ *Smith T.* *Op. cit.*

6.

Надо помнить, что в числе стран, которые обвиняют Россию в совершении «агрессии», не только США⁴⁸. С такими заявлениями выступили как государства — члены НАТО⁴⁹, так и большинство государств — членов Совета Европы и семерка государств — экономических лидеров мира — G7⁵⁰. К тому, чтобы вменить Российской Федерации вину в совершении нарушения международного права, в посягательстве на «территориальную целостность и национальный суверенитет Украины», присоединился и Африканский союз⁵¹.

При этом не стоит успокаивать себя тем, например, что резолюции Генассамблеи ООН формально не имеют юридически обязывающего характера. Практика показывает, что в экономических арбитражных и судебных разбирательствах против России и российских лиц ссылки на такого рода документы имеют значение для «внутреннего убеждения» судьи или арбитра.

Даже на беспочвенные обвинения ответ должен быть исчерпывающим. В связи с этим считаю необходимым еще раз четко сформулировать нашу позицию в отношении так называемой «агрессии», в которой Запад упорно обвиняет Россию, и действий МУС как попыток придать этим обвинениям юридическую силу.

Подытожим сказанное выше.

Первое. После государственного переворота к власти в Киеве в 2014 г. пришел полностью контролируемый западными странами несамостоятельный политический режим. Часть бывшей Украины, одурманенная и управляемая им, *de facto более не является суверенным государством*. Соответственно, защиту Россией Донбасса, который не признал государственный переворот и подвергся нападению со стороны незаконной с 2014 г. киевской власти, нельзя юридически квалифицировать как «агрессию».

Второе. В соответствии с Уставом ООН установить факт «агрессии» и осуществить действие в отношении акта агрессии вправе только Совет Безопасности ООН (включая совпадающие голоса пяти государств — его постоянных членов). Иной орган, будь то орган ООН или другой орган, или иная международная организация, таких полномочий не имеет. Их заявления лишены правовой основы и юридически ничтожны.

⁴⁸ Президент США Байден обвинил Россию в нарушении Устава ООН, поскольку она, дескать, «развязала жестокую войну» против Украины, «без всякой необходимости» (“President Biden <...> accused Russia of violating the United Nations international charter in its ‘brutal, needless war’ against Ukraine”). См.: Biden in UN speech accuses Russia of “extremely significant” violation of international charter // Fox News. 2022. September 21. URL: <https://www.foxnews.com/politics/biden-un-speech-accuses-russia-extremely-significant-violation-international-charter> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴⁹ The World Reacts to Russia’s Invasion of Ukraine // Lawfare. 2022. February 24. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/world-reacts-russias-invasion-ukraine> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵⁰ G7 Leaders’ Statement on the invasion of Ukraine by armed forces of the Russian Federation, 24 February, 2022 // European Council, Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/02/24/g7-leaders-statement-on-the-invasion-of-ukraine-by-armed-forces-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 14.02.2025).

⁵¹ Так, председатель Африканского союза и президент Сенегала Маки Саль и председатель Комиссии Африканского союза Мусса Факи Махамат призвали, в частности, Российскую Федерацию «...безоговорочно уважать международное право, территориальную целостность и национальный суверенитет Украины» (Statement from Chair of the African Union, H.E President Macky Sall and Chairperson of the AU Commission H.E Moussa Faki Mahamat, on the situation in Ukraine, February 24, 2022 // African Union. URL: <https://au.int/en/pressreleases/20220224/african-union-statement-situation-ukraine> (дата обращения: 05.02.2025)).

Третье. Посягательство Гаагского уголовного суда на ограничение суверенитета государства — постоянного члена Совета Безопасности ООН (требования ареста главы этого государства и таким образом воспрепятствование осуществлению им его должностных функций) следует квалифицировать в качестве преступления против международного права. Прежде всего потому, что Совет Безопасности ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24 Устава ООН).

Четвертое. Россия не является участником Римского статута 1998 г., на основе которого создан Международный уголовный суд. В 2016 г. Россия отказалась становиться стороной данного международного договора. Соответственно, Статут Суда не создает для нашей страны никаких обязательств.

Пятое. Деятельность Гаагского уголовного суда, его позиция противоречат нашедшему свое отражение в обычном международном праве и в ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. принципу *“pacta tertiis nec nocent nec prosunt”* («договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия»).

Шестое. Согласно Римскому статуту, смысл выдачи ордера на арест заключается в появлении у МУС дальнейшей возможности потребовать от государств — участников Статута, в частности, арестовать лицо, в отношении которого выдан ордер, и предоставить его в распоряжение Суда (ст. 58 Римского статута). Однако в случае, когда данное лицо пользуется иммунитетом как должностное лицо государства, не участвующего в Статуте, а Гаагский уголовный суд не заручился сотрудничеством такого государства, выдача подобного ордера и направление Судом просьбы государству-участнику арестовать указанное лицо и передать его в распоряжение Суда *противоречат ст. 98 Статута*.

Седьмое. Президент Российской Федерации, будучи действующим главой суверенного государства, пользуется *абсолютным иммунитетом* от иностранной уголовной юрисдикции: и иммунитетом *ratione materiae*⁵², и иммунитетом *ratione personae*⁵³. В отсутствие явно выраженного отказа от этого иммунитета юрисдикция международных судебных органов на главу суверенного государства не распространяется.

Восьмое. Согласно решению Международного Суда ООН от 14 февраля 2002 г. по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.», «в международном праве твердо установлено, что, как и дипломатические и консульские агенты, определенные лица, замещающие должности в высоком ранге в государстве, такие как глава государства, глава правительства и министр иностранных дел, пользуются иммунитетами от юрисдикции в других государствах, как гражданской, так и уголовной»⁵⁴. Тот факт, что это правило международного права действует и в случаях, когда возникает вопрос о возможности ареста государством — участником Римского статута по просьбе МУС главы государства, не участвующего

⁵² Под «иммунитетом *ratione materiae*» понимается иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции, действующий в отношении должностного лица государства в связи с действиями, которые данное лицо осуществляет в рамках исполнения своего мандата и которые подпадают под определение «официальных действий».

⁵³ Субъективная сфера охвата иммунитета *ratione personae*: глава государства, глава правительства и министр иностранных дел пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции иностранного государства. Иммунитет *ratione personae* признается автоматически, в соответствии с нормами международного права в отношении органов государственной власти, представляющих государство в международных отношениях. Иммунитет применяется в отношении всех действий (как частного, так и официального характера), совершенных представителями государства.

⁵⁴ Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002, p. 3, para. 51.

в Римском статуте, признается и в доктрине⁵⁵. Более того, в одном случае даже МУС признал факт отсутствия исключений из этого правила применительно к ситуациям, когда государство действует от его имени⁵⁶.

Статья 27 Римского статута, по смыслу которой иммунитеты должностного лица не являются препятствием к осуществлению в отношении него судом юрисдикции, *противоречит* сложившемуся обычному международному праву. Допущение этим документом уголовного преследования действующих глав суверенных государств противоречит фундаментальным принципам международного права, закрепленным в Уставе ООН, прежде всего принципам суверенного равенства всех членов ООН, невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Девятое. По состоянию на февраль 2025 г. сторонами Римского статута являются 125 государств⁵⁷ (членов ООН насчитывается 193)⁵⁸. Несмотря на такой численный состав, МУС *не представляет международное сообщество государств в целом и не действует от его имени*. В нем не участвуют три из пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН (Россия, Китай и США), промышленно развитые и густонаселенные государства Азии (Индия, Пакистан, Турция, Малайзия, Индонезия), многие государства Арабского Востока⁵⁹.

Десятое. Принявшие противоправные решения судьи, прокуроры и прочие должностные лица могут и должны преследоваться за преступления, *предусмотренные российским уголовным правом*.

7.

В связи с изложенной позицией возникает закономерный вопрос, что будет дальше с международной уголовной юстицией в принципе. Отечественным юристам необходимо на всех возможных площадках аргументированно и подробно выступать с профессиональной критикой решений МУС. Представлять международно-правовую позицию России в отношении СВО, украинского конфликта и других злободневных проблем мировому юридическому сообществу, СМИ и гражданам

⁵⁵ См., напр.: *Исполинов А. С.* Примеряя Кольцо Всевластия: Международный уголовный суд и иммунитеты глав государств // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 40, 52–53; *Akande D.* International Law Immunities and the International Criminal Court // The American Journal of International Law. 2004. Vol. 98, no. 3. P. 410–411, 421.

⁵⁶ В решении по делу о невыполнении Южно-Африканской Республикой запроса МУС об аресте и передаче ему Омара Аль-Башира Палата предварительного производства, сославшись на все тот же § 51 решения Международного Суда ООН от 14 февраля 2002 г. по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.», отметила: «Палата не может идентифицировать правило в обычном международном праве, которое бы исключало иммунитет глав государств, когда их арест испрашивается за международные преступления другим государством, даже когда арест испрашивается от имени международного суда, включая в особенности этот Суд (МУС. — *Д. М.*)» (Pre-Trial Chamber II. Situation in Darfur, Sudan: in the Case of the Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir: Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by South Africa with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir, No. ICC-02/05-01/09, 6 July 2017, para. 68 // ICC Legal Tools Database. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/68ffc1/pdf> (дата обращения: 15.02.2025)).

⁵⁷ The States Parties to the Rome Statute // International Criminal Court. URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵⁸ Charter of the United Nations: status as at: 14-02-2025 10:15:47 EDT // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=-1&chapter=1&clang=en (дата обращения: 14.02.2025).

⁵⁹ С точки зрения численности населения государств, не участвующих в Римском статуте, это большинство населения Земли.

различных государств. Убедительно разяснять спорные вопросы, делать это активно и постоянно. Подтверждать нашу приверженность Уставу ООН и прежде всего принципам суверенного равенства государств, невмешательства в дела, входящие в их внутреннюю компетенцию. Добиваться, чтобы конкретные должностные лица Гаагского уголовного суда, которые нарушают эти принципы, несли ответственность в соответствии с международным и российским национальным правом.

Вполне возможным выглядит и проработка на межрегиональном уровне (например, в рамках БРИКС) концепции создания международно-правового органа, альтернативного Гаагскому уголовному суду. Новый судебный орган БРИКС мог бы подтвердить общее стремление государств, входящих в это объединение, неукоснительно следовать принципам Устава ООН, включая принципы иммунитета глав суверенных государств от какой-либо иностранной юрисдикции и запрета вмешательства во внутренние дела государств, в том числе путем незаконного иностранного инструктирования лидеров оппозиции.

Что касается МУС, то к настоящему моменту можно с сожалением констатировать его *полную несостоятельность* в выполнении своей главной задачи — привлечения к ответственности всех лиц, виновных в совершении геноцида, агрессии, военных преступлений и избежавших наказания по национальному законодательству. Именно всех — включая и граждан западных стран и государств — членов НАТО. Есть, конечно, большие сомнения, что Гаагский уголовный суд в его нынешнем виде и роли предпримет к этому усилия. *Поэтому он должен кануть в историю.*

Но стремление людей всего мира к справедливости сильнее любых санкций, давления, лицемерия и лжи. А международное право, выработанное глобальным сообществом, сильнее права силы. Если Гаагскому суду свойственны его неустрашимые сегодняшние изъяны, заинтересованные государства найдут возможность *создать другой международный уголовный суд*, который будет их лишен. Его учредительный договор должен будет основываться на всех общепризнанных нормах современного международного права, включая и нормы об абсолютном иммунитете высших должностных лиц. Его юрисдикцию можно будет распространить на преступления геноцида, военные преступления, преступления против человечности, а также на акты терроризма. Такие акты нередко готовятся и совершаются на территории двух и более государств. Международное сотрудничество в рамках создаваемого нового органа получит возможность их пресечь.

Хочется верить, что этот новый суд сможет достичь тех целей, которые были продекларированы в Римском статуте МУС, но достичь которых МУС оказался не способен.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2024 г.

Рекомендована к печати 10 марта 2024 г.

References

- Akande, Dapo. 2004. International Law Immunities and the International Criminal Court. *The American Journal of International Law* 98 (3): 407–433.
- Alekseeva, Diana G., Yana O., Alimova, Inna S., Barzilova et. al. 2023. *Law under sanctions*. Mazhorrina M. V., Shakhnazarov B. A. (eds). Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Azarov, Nikolay. 2015. *Ukraine at a Crossroads. Notes from the Prime Minister*. Moscow, Veche Publ. (In Russian)
- Bachmann, Sascha-Dominick D., Sowatey-Adjei, Naa A. 2020. The African Union-ICC Controversy Before the ICJ: A Way Forward to Strengthen International Criminal Justice? *Washington International Law Journal* 29 (2): 247–301.

- Bosco, David. 2013. Why is the International Criminal Court picking only on Africa? *The Washington Post*. March 29. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-is-the-international-criminal-court-picking-only-on-africa/2013/03/29/cb9bf5da-96f7-11e2-97cd-3d8c1afe4f0f_story.html (accessed: 04.02.2025).
- Commentary on the Law of the International Criminal Court: *The Statute*. Vol. 1. 2023. Klamberg M., Nilsson J., Angotti A. (eds). 2nd ed. Brussels, Torkel Opsahl Academic EPublisher. 1104 p.
- Filatov S. Duterte's arrest and its implications for the Philippines, the US and China. *The International Affairs*. March 15, 2025. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/50683> (accessed: 18.03.2025). (In Russian)
- Gevorgyan, Kirill. 2012. "Unilateral Sanctions" and International Law. *The International Affairs* 8. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (accessed: 06.03.2025). (In Russian)
- International Law and the Fight against Crime. Collection of Documents*. 1997. Zmeevskii A. V., Kolesov Yu. M. (introd.). Moscow. (In Russian)
- Ispolinov, Aleksey S. 2023. Trying on the Ring of Omnipotence: The International Criminal Court and the Immunities of Heads of State. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 2: 37–58. (In Russian)
- Ispolinov, Aleksey S. 2024. Anatomy of a Crisis: Problems of Normative Legitimacy of an International Criminal Court. *Zakon* 2: 124–132. (In Russian)
- Kjeldgaard-Pedersen, Astrid. 2020. Is the Quality of the ICC's Legal Reasoning an Obstacle to Its Ability to Deter International Crimes? *iCourts: iCourts Working Paper Series* 191. 29 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3570447_code2133408.pdf?abstractid=3570447&mirid=1&type=2 (accessed: 05.02.2025).
- Klabbers, Jan. 2017. *International Law*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press. 370 p.
- Kritskiy, Kirill V. 2016. The terms "international sanctions" and "unilateral restrictive measures". *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* 2: 204–213. (In Russian)
- Kritskiy, Kirill V. 2019. Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law. PhD in Law thesis. Moscow. 186 p. (In Russian)
- Ning Yu. How US evades responsibility for war crimes in Afghanistan. *Global Times*. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1235240.shtml> (accessed: 14.02.2025).
- Pyatibratov, Ivan S. 2020. Sanctions and unilateral restrictive measures: the problem of delineation of terms and identity of phenomena. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* 10 (6): 61–65. (In Russian)
- Ryzhova, Mariia V. 2006. *Economic sanctions in modern international law*. PhD in Law thesis abstract. Kazan. 25 p. (In Russian)
- Schabas, William A. 2020. Chapter 1: The dynamics of the Rome Conference. *The Elgar Companion to the International Criminal Court*. de Guzman M., Oosterveld V. (eds). Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited; Northampton, Edward Elgar Publishing, Inc.: 3–19.
- Shaw, Malcolm N. 2008. *International Law*. 6th ed. New York, Cambridge University Press. CLXVI. 1542 p.
- Smith T. The ICC caught in clan rivalry in Philippines. *Justiceinfo.net*. January 27, 2025. Available at: <https://www.justiceinfo.net/en/140756-icc-caught-clan-rivalry-philippines.html> (accessed: 18.03.2025).
- The Past, Present and Future of the International Criminal Court*. 2021. Heinze A., Dittrich V.E. (eds). Brussels, Torkel Opsahl Academic EPublisher. XXI, 783 p.
- Tladi, Dire. 2013. The ICC Decisions on Chad and Malawi: On Cooperation, Immunities, and Article 98. *Journal of International Criminal Justice* 11 (1): 199–221.
- van Alebeek, Rosanne. 2008. *The Immunity of States and Their Officials in International Criminal Law and International Human Rights Law*. Oxford; New York, Oxford University Press. XXXVIII, 449 p.